ДЕТЕКТИВ & ПРИКЛЮЧЕНИЯ
Антон Иванов
Анна Устинова
Загадка назойливых звонков
КОМПАНИЯ С БОЛЬШОЙ СПАССКОЙ

Анна Вячеславовна Устинова
Антон Давидович Иванов

Загадка назойливых звонков

Серия «Детектив & Приключения»
Серия «Компания с Большой Спасской», книга 13

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6529578
Антон Иванов, Анна Устинова. Загадка назойливых звонков: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-67256-1

Аннотация

Таня ужасно напугана ночными звонками: неизвестный сперва молчит в трубку, а затем проигрывает похоронный марш. Компания с Большой Спасской в недоумении. Неужели на такие глупые шутки способен кто-то из их знакомых? Или загадочные звонки связаны с предыдущим расследованием ребят? А может, в неприятности попали Танины родители? Ясно одно: девочке срочно нужна помощь друзей!

Содержание

Глава I 4
Глава II 11
Глава III 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Антон Иванов, Анна Устинова
Загадка назойливых звонков

Глава I
Тревожная ночь

Комната утопала во тьме. Возле кровати надрывался телефон. Нашарив трубку, Таня поднесла ее к уху.

– Алло.

Ей никто не ответил.

– Алло, – хриплым спросонья голосом повторила девочка.

На том конце провода по-прежнему молчали.

– Алло! Алло! Ничего не слышно! – закричала Таня. – Перезвоните, пожалуйста!

Опустив трубку на рычаг, она зажгла торшер, стоящий рядом с кроватью. Будильник на тумбочке показывал час ночи. «Кто мог звонить так поздно? – не оставляла тревога девочку. – Может, Олегу что-нибудь понадобилось?»

С Олегом они почти каждый вечер болтали перед сном по телефону. Однако так поздно он вряд ли стал бы звонить. «А если что-то случилось?» – охватило волнение девочку.

Не успела она об этом подумать, как вновь раздался телефонный звонок. Таня мигом схватила трубку.

– Слушаю!

Молчание.

– Говорите! – повысила голос девочка.

Ни звука в ответ. Даже дыхания не слышно.

– Говорите же! – повторила Таня.

Трубку повесили. Спать Тане уже не хотелось. Таинственные звонки не выходили из головы. Тут Таня вспомнила, что в квартире сейчас совершенно одна. Папа улетел в командировку. А мама осталась ночевать у своей сестры и Таниной тети Веры Андреевны, которая заболела каким-то свирепым гриппом с высокой температурой. «Наверное, тете Вере сделалось совсем плохо, – пронеслось в голове у девочки. – Вот они с мамой мне и звонят, чтобы я чем-нибудь помогла. Или папа…» У Тани бешено заколотилось сердце. Она всегда страшно боялась, когда кто-нибудь из близких летел на самолете. Правда, ее почти тут же осенило: «Если бы что-то случилось с папой, сообщили бы по межгороду. А это были совершенно обыкновенные звонки».

– Значит, мама, – тихо произнесла вслух девочка. – Надо бы проверить.

Она быстро набрала тетин номер. Там долго никто не отвечал. У Тани снова заколотилось сердце. И руки стали трястись. Даже если тете Вере сделалось плохо, мама-то должна быть на месте. А вдруг тетю забрали в больницу, и мама оттуда дозванивается?

Таня уже собиралась положить трубку, чтобы не занимать телефон, но тут послышался сонный голос мамы.

– Что у вас случилось? – крикнула девочка.

– Танюша, ты? – удивилась мама. – Что случилось?

– Это я у тебя спрашиваю, что случилось? – все еще не могла успокоиться дочь. – Тете Вере плохо?

– Почему плохо? – переспросила мама. – Наоборот, хорошо. Температура упала. Я утром домой приеду.

– А зачем тогда мне звонили? – возмутилась дочь. – Я прямо вся извелась.

– Мы не звонили, – ответила мама. – И вообще, объясни, пожалуйста, в чем дело?

– В том, что кто-то звонил, – ответила Таня.

– Кто? – полюбопытствовала мама.

– Не знаю. Он молчал. Вот я и решила, что это вы с тетей.

– Во-первых, мы с тетей не «он», а «они», – рассердилась мама. – А во-вторых, полная ерунда. По-твоему, мы с тетей Верой решили развлечься. Стали тебе звонить среди ночи и в трубку дышать?

– Он не дышал, – уточнила девочка.

– Какая разница, – отозвалась мама. – Ох! – вздохнула она. – Мы только заснули. И тебе, между прочим, завтра в школу. Ложись-ка скорей!

И она повесила трубку.

«Какая я все-таки дура, – усмехнулась Таня. – Наверное, просто кто-нибудь ошибся номером. И, услыхав незнакомый голос, оба раза, конечно же, промолчал. Кому охота, чтобы его ругали».

Таня зевнула. Теперь, когда страхи ушли, ее вновь стало клонить в сон. Она выключила торшер. Затем легла и укуталась до самого подбородка одеялом. В комнате было свежо. Сквозь приоткрытую форточку дул промозглый ветер. Сентябрь выдался в этом году на редкость холодным. Каждый день по нескольку раз начинал лить дождь. В Москве такой осени не было уже много лет.

«Хоть бы чуть-чуть потеплело, – подумала девочка. – А то совершенно гулять невозможно». На этом мысли ее стали путаться. Она уже почти провалилась в сон, когда телефон затрезвонил вновь. На сей раз девочку охватило раздражение. Сорвав трубку, она крикнула:

– Долго вы еще будете…

Ветер с яростным воем налетел на окно. Форточка громко стукнула. Белая занавеска, взметнувшись вверх, опустилась на Танину голову. Девочка от неожиданности вскрикнула, трубка со стуком брякнулась на пол. Когда Таня подхватила ее, там снова раздались частые гудки.

Бросив трубку на рычаг, девочка подбежала к форточке и заперла ее. Из кухни послышался грохот. Таня замерла на месте, прислушалась. Вроде бы больше ничего странного. Лишь ветер по-прежнему воет на улице. И дождь барабанит в стекла.

Тревога, однако, не проходила. Новый ночной звонок вывел Таню из равновесия. Дважды и впрямь могли ошибиться номером. Но в третий раз… И еще эта занавеска. Как она странно опустилась ей на голову. Прямо как погребальный саван. И, главное, именно в тот момент, когда позвонили. И на кухне что-то загрохотало… Таня поежилась. Торшер вдруг ярко мигнул и погас. Комната погрузилась во тьму.

Таня забилась в угол постели, словно ища там спасения. Какое-то время она даже боялась пошевельнуться. Потом, сделав глубокий вздох, бросилась к двери и щелкнула выключателем. Комнату залил свет люстры. Страх чуть-чуть отпустил. Теперь нужно проверить, что там, на кухне?

Сперва Таня включила свет в родительской комнате, затем в коридоре и в передней, потом в ванной и туалете и, наконец, замерла возле кухонного порога.

За дверью царила полная тишина. Даже вода из крана не капала.

– Господи, ну я и трусиха, – шепотом принялась ободрять себя девочка. – Кто мог залезть на кухню? Мы ведь не на первом этаже живем.

Она зажгла свет и вошла. На полу валялась разделочная доска. Чуть поодаль лежал крючок, на котором она уже несколько лет висела.

– Очень страшное происшествие, – снова проговорила вслух Таня. – Крючок от стены отклеился. Лампочка в торшере перегорела. Форточка от ветра раскрылась. И я в занавеске запуталась.

Но легче почему-то не становилось. И навязчивые телефонные звонки никак не выходили из головы. В их свете вроде бы безобидные сами по себе происшествия приобретали зловещий смысл.

«Видимо, с кем-то случилась беда, – пронеслось в голове у Тани. – Но с кем? Кто мог мне звонить так поздно? А вдруг это все-таки был Олег?» Таня немедленно вспомнила несколько случаев, когда Олег попадал в очень опасные ситуации. Сейчас его, например, могли взять в заложники. Там, где его держат, случайно оказался телефон. Вот он и звонит. А говорить, наверное, не может, потому что с него не спускают глаз какие-нибудь бандиты.

«Хотя, нет, – спохватилась Таня. – Мы же с Олегом перед сном разговаривали, значит, он дома. А если их всех…» От того, что пришло ей в голову, по спине побежали мурашки. У папы и мамы Олега была своя фирма. Дела последнее время шли очень успешно. Наверняка у Беляевых есть немало конкурентов. Что, если кто-нибудь из них заказал налет на квартиру? Тогда все семейство сейчас в опасности, и она, Таня, должна немедленно что-то предпринять для их спасения.

Девочка вернулась в свою комнату и, подняв трубку, набрала телефон Беляевых…

Обычно телефон оставался на ночь у Олега. Это повелось с той поры, когда четверо его близких друзей-одноклассников стали регулярно названивать утром перед уроками. Иной из них забывал расписание. Другие еще что-нибудь.

Последней каплей стал звонок долговязого Женьки, которому однажды приспичило в половине седьмого утра выяснить, состоится ли контрольная по алгебре. Разбуженный ни свет ни заря папа Олега, Борис Олегович, сперва разразился гневной тирадой, а затем заявил, что если у его «обалдуя-сына» такие друзья, то пусть он держит ночью телефон у себя в комнате.

Однако сегодня Беляев-старший с самым решительным видом унес трубку радиотелефона к себе и водрузил ее на тумбочке возле кровати. Дело в том, что он дожидался очень важного звонка от одного из иностранных партнеров. Прикинув разницу во времени между двумя государствами, Борис Олегович и жена его, Нина Ивановна, высчитали, что разговор должен состояться в районе шести утра. Весь вечер мама и папа Олега работали над речью, которую Борис Олегович собирался произнести по телефону.

Дело в том, что глава семейства Беляевых знал иностранные языки не очень хорошо. Точнее, ему самому казалось, что он вполне сносно изъясняется по-английски. Нина Ивановна придерживалась иного мнения, и была права. Беляев-старший говорил на какой-то причудливой смеси английского, французского, итальянского, некоторых отечественных выражений, а также жестов. Правда, большинство собеседников его каким-то неведомым образом умудрялись понимать. Однако Нина Ивановна предложила, что будет вести переговоры сама.

Беляев-старший этому решительно воспротивился. По его глубокому убеждению, он как глава фирмы был просто обязан лично начать разговор с партнером. А уж потом жена с ее блестящим знанием языка может подключиться для выяснения разных тонкостей.

На том и порешили. Борис Олегович поднимет трубку и произнесет краткую вступительную речь, которую составил вместе с Ниной Ивановной. А затем она продолжит разговор.

Перед тем как заснуть, глава семейства Беляевых поставил звонок телефона на предельную громкость. Поэтому, когда аппарат среди ночи начал трезвонить, Борис Олегович мигом вскочил.

– Хэллоу! – проорал он в трубку, лихорадочно пытаясь одновременно нашарить выключатель, очки и рукопись.

– Олег? – раздалось тем временем в трубке.

– Итс ноу Ольег, итс Борьис Ольегович! – зачем-то коверкая имена сына и свое собственное на английский лад, громко и четко произнес Беляев-старший.

В это время ему каким-то чудом удалось зажечь лампу и нащупать очки. Он хотел их надеть, но они выпали из еще неверных спросонья пальцев на пол.

– Проклятье! – воскликнул Борис Олегович. – И почему такая темень? Вчера в шесть часов было уже совсем светло.

– Боренька, не волнуйся, – уже проснулась Нина Ивановна. – Вот твоя речь.

И она протянула ему исписанные листки бумаги.

– Уна моменто! – перейдя почему-то на итальянский, завопил в трубку Беляев-старший. – Ай гоу ту спик.

– Боренька, что ты несешь? – схватилась за голову Нина Ивановна. – Они же тебя не поймут!

Таня прекрасно слышала весь этот странный разговор. «Почему Борис Олегович говорит на каком-то жутком английском? – пыталась понять она. – И Нина Ивановна явно в панике. Наверное, у них и впрямь что-то произошло».

В трубке слышались шорох, возня и шумное сопение. Наконец, Беляев-старший нашел под кроватью очки и бодреньким голосом выкрикнул в трубку:

– Йес. Я слушаю.

– Борис Олегович, что с Олегом? – спросила дрожащим голосом Таня.

До Беляева-старшего, который перепутал страницы заготовленной речи, донеслось только имя Олег. Он досадливо поморщился. Его уже стало охватывать раздражение. Поэтому он весьма резким тоном изрек:

– Я уже говорил! Итс ноу Олег. Итс Борис Олегович.

– Олег жив или нет? – только и хотелось услышать Тане.

– Это нье Ольег, – видимо, решил, что так его поймут лучше, Борис Олегович. – Это его фазер Борьис Ольегович.

– Боренька! – уже пребывала в полном отчаянии Нина Ивановна. – Ты срываешь переговоры.

– Я ничего не срываю! – забыв о телефоне, крикнул Борис Олегович. – Это они какой-то дуре поручили мне позвонить! Английского не знает! Русского тоже! Мне что, по-японски с ней разговаривать?

– Что с Олегом? Что с вами? Как вам помочь? – уже всхлипывала на том конце провода Таня.

– Ну вот! – сардонически расхохотался Борис Олегович. – Теперь она еще плачет! Хорошенькие деловые переговоры!

– Ах, Боря, Боря, – всплеснула руками Нина Ивановна. – Я так и знала, что ты все испортишь. Надо было мне с ними разговаривать.

– Хэллоу, черт вас возьми! – тем временем орал в трубку муж. – Что за сцена? Я, например, вери глед. А вы?

– Боря, отдай мне трубку! – решительно потребовала Нина Ивановна.

– На! – проявил на сей раз щедрость Борис Олегович. – Сейчас они и тебя обхамят. Думают, если они иностранцы, то им все позволено.

Нина Ивановна, завладев телефоном, на безукоризненном английском извинилась за «мистера Борис Беляев». По ее словам, он очень неважно себя чувствует. А потому не стоит придавать его словам особенного значения.

– Нина Ивановна, может быть, вы мне скажете, что случилось? – поторопилась как можно спокойнее проговорить Таня.

– О-о! Вы русская? Очень рада слышать голос соотечественницы! – светски отозвалась Нина Ивановна. Затем, зажав рукой трубку, с укором проговорила мужу: – Вот видишь, Боря, а ты ее по-русски ругал. Она наверняка все поняла.

– Во-первых, я не произнес ни единого русского слова, – с чувством собственного достоинства отвечал ей муж. – А во-вторых, поняла так поняла.

– Нина Ивановна! Это же я, Таня! – воскликнула девочка.

– Господи! Танечка! – изумилась мама Олега. – Что случилось?

– У меня ничего, а у вас? – снова заговорила девочка. – Где Олег?

– Да, по-моему, спит, – отвечала Нина Ивановна. – Или удрал куда-нибудь среди ночи? – заволновалась она. – Говори быстро, ты что-нибудь знаешь?

– Ничего я не знаю. Мне просто звонили.

Странное Танино объяснение лишь усилило беспокойство мамы Олега. Не отпуская трубку радиотелефона, она кинулась в комнату мальчика.

– Странно ты как-то переговоры ведешь, – проворчал Борис Олегович.

Но жена не услышала. Вбежав в комнату сына, она зажгла верхний свет. Такса Вульф, спавший рядом с кроватью Олега, изумленно уставился на Нину Ивановну.

– Олег, где ты? – крикнула мать.

Мальчик подскочил на постели.

– Ты что? – уставился он на Нину Ивановну.

– Тебе лучше знать, – ответила мама. – Почему Таня звонит ни свет ни заря? Что вы еще там затеяли?

– Почему ни свет ни заря? – взглянул на часы Олег. – Сейчас два часа ночи.

– Как это два? – ничего не понимала Нина Ивановна.

Олег изловчился и выхватил у нее из рук трубку.

– Танька, что там с тобой?

– А с тобой? – быстро спросила девочка.

– Все нормально, – ответил Олег.

– Слава Богу! – облегченно выдохнула Таня. – Тогда спокойной ночи. До завтра.

И она повесила трубку. Олег хотел ей перезвонить, но Нина Ивановна выхватила у него из рук телефон.

– Завтра поговорите.

– Но я же вообще ничего не знаю, – возразил сын. – Зачем она мне среди ночи звонила?

Тут в комнате появился Беляев-старший.

– Ну? – уставился он на Нину Ивановну. – Как там с партнерами? Уже поговорила?

– Боренька, ты только не волнуйся, – кротким голосом начала жена.

– Сорвалось! – с драматическим видом воскликнул глава семейства Беляевых. – Они больше не хотят иметь с нашей фирмой дело! Поэтому и поручили звонить какой-то форменной идиотке, которая не потрудилась понять ни единого моего слова!

– Танька не идиотка, – обиженно произнес Олег.

– А ты вообще не в свои дела не вмешивайся! – строго взглянул на него отец.

– Ничего себе, не мои дела! – охватило еще большее возмущение мальчика. – Ты Таньку обидел…

– Какую Таньку? – схватился за голову Борис Олегович. – При чем тут твоя Танька?

– Зачем же назвал ее идиоткой? – заело Олега.

– Вы что, все с ума посходили? – грянул Борис Олегович. – Я назвал идиоткой ту идиотку, которая в фирме-партнере работает!

– Боренька, тише! – взмолилась Нина Ивановна. – Иначе у тебя снова подскочит давление. Давай я тебе дам лекарство, и в постельку.

– В гроб мне надо теперь ложиться, а не в постельку, – неожиданно тихим голосом изрек муж. – Партнер от нас отказался. Теперь доходы фирмы уменьшатся вдвое. А это крах.

– Разве партнеры уже звонили? – удивился Олег. – Ты же, папа, говорил, что в шесть.

– Звонили, – скорбно откликнулся Беляев-старший. – И я еще в жизни не сталкивался с таким высокомерным хамством.

– Боренька, это был звонок не от партнеров, – сумела наконец вклиниться Нина Ивановна. – И вообще, сейчас только два часа ночи.

– Два ночи? – сам собою раскрылся рот у главы семейства Беляевых. – То-то, я думаю, почему вдруг стало так поздно светать?

– Да, да, Боренька, – улыбнулась жена. – А партнеры нам будут звонить только через четыре часа.

– Тогда пошли спать, – потянулся Борис Олегович.

Он уже сделал несколько шагов по направлению к спальне, когда его вдруг осенило: с кем-то ведь все-таки они с женой разговаривали.

– Кто же это звонил? – пытливо уставился он на Нину Ивановну.

– Танечка, Олежкина подруга, – объяснила жена.

– Та-ак, – протянул Борис Олегович.

Олег с беспокойством смотрел на отца. Тот явно готов был снова взорваться.

– Папа готовился к важным переговорам, – тоном обманутого в лучших чувствах героя мелодрамы начал глава семейства Беляевых. – Папа спал, чтобы утром с новыми силами упрочить положение фирмы, – еще немного повысил голос Борис Олегович. – А в это время подруга моего обалдуя-сына поднимает меня среди ночи, и я…

Тут Беляев-старший осекся. Ему живо представилась вся нелепость ситуации. И он, повернувшись к Олегу, крикнул:

– А мой обалдуй-сын выставил меня полным идиотом! Хорошенькая благодарность за все, что я делаю во имя его безбедного будущего!

«Ну, началось», – с тоской подумал Олег. Вообще-то у них с отцом были замечательные отношения. Однако когда тот заводился, то начинал выдавать длинные тирады. Суть их обычно сводилась к тому, что он, Беляев-старший, а также мама Олега, Нина Ивановна, из кожи вон лезут, стремясь поставить на ноги фирму. Все это делается во имя безбедного будущего Олега, а он совершенно не ценит их титанических усилий.

– Ты со своей компанией погряз в эгоизме! – словно бы по заказу выпалил Беляев-старший.

– Боренька! – вмешалась Нина Ивановна. – Олежка вообще не виноват. Он спал.

– Он спал! – воскликнул Борис Олегович. – А я, например, проснулся! И молол какую-то полную чушь, – самокритично добавил он.

– В этом ты сам виноват, – сказала Нина Ивановна. – Надо было выучить текст, который я тебе написала.

– Очень, гляжу я, вы все тут умные, – немного смутился Борис Олегович.

– Давно говорю, что тебе нужно брать уроки английского, – продолжала жена.

– У меня времени нет, – еще сильнее смутился Борис Олегович. – Ладно, – двинулся он в спальню. – Раз уж меня все равно разбудили, пойду еще раз посмотрю эту речь.

– Вот это правильно, Боренька, – одобрила его намерение жена. – А ты, Олежка, ложись спать. Тебе завтра в школу.

И она погасила свет. Засыпая, Олег слышал из родительской комнаты шелест бумаги и тихий голос отца, который старательно произносил английские фразы…

Таню беседа с родителями Олега оставила в изрядном недоумении. Было ясно только одно: ее с кем-то спутали. Остальное пока оставалось для девочки совершенной загадкой. Впрочем, Олег завтра в школе ей все объяснит. Главное, что он дома и с ним ничего не случилось.

Таня ввернула в торшер новую лампочку. Затем погасила свет в остальной части квартиры. Взглянув на часы, она охнула. Десять минут третьего! Надо срочно ложиться, иначе она завтра проспит школу.

Она легла и выключила торшер. Ветер на улице вроде немного утих. Дождь продолжал барабанить по стеклам, но теперь Таня воспринимала это совсем по-другому. Тихая дробь убаюкивала. Глаза сами собой стали слипаться.

«Завтра Олегу все расскажу, – подумала девочка. – Вот он посмеется над моими страхами. Навоображала себе неизвестно чего». Дальше ей размышлять стало лень. Еще какая-нибудь минута, и она бы, вероятней всего, заснула. Но тут вновь зазвонил телефон.

На сей раз Таня не сомневалась, что это Олег. Она же ему ничего не объяснила. Вот он, наверное, и волнуется. Хотя мог бы подождать и до завтра. Всего ничего осталось. Подняв трубку, она с мольбою проговорила:

– Олег, мне спать хочется. Я тебе завтра все объясню.

Молчание.

– Олег? – повторила Таня.

В трубке раздался визгливый хохот, от которого у девочки пошли мурашки по телу.

– Кто это? – прошептала она.

Хохот прервался так же внезапно, как и возник. Наступила короткая пауза. Следом за ней в трубке раздались тихие звуки похоронного марша. Музыка была какая-то странная. Она словно бы вырывалась из темных глубин загробного мира. У Тани похолодело внутри. Ей хотелось бросить трубку, но руки не слушались. И она продолжала внимать траурным аккордам, от которых кровь стыла в жилах. Ветер на улице, как нарочно, снова завыл. Девочке стало жутко. И, собрав последние силы, она крикнула в трубку:

– Прекратите!

Музыка смолкла. В трубке послышались частые гудки. Таню трясло как в лихорадке. Дышать было трудно.

Она включила торшер. Но в дверной проем пугающе врывалась темнота. Это было невыносимо. Таня зажгла свет везде. Траурный марш продолжал звучать в ушах. Тане казалось, что она сходит с ума. Кому и зачем понадобилось ее пугать? Сколько она ни ломала голову, объяснений не находилось.

Затем усталость взяла свое. Девочка забылась тревожным сном.

Глава II
Компания с Большой Спасской

Наутро пятеро друзей встретились в Портняжном переулке возле железных ворот, за которыми стоял дом Олега. Сразу за ним находилась родная две тысячи первая школа.

– Ну? – поглядел сквозь очки Олег на Таню. – Ты зачем моих предков подняла среди ночи?

– Он еще спрашивает! – вклинился в разговор долговязый порывистый и нетерпеливый Женька. – Там, у Таньки, было такое… такое…

От избытка эмоций он взъерошил двумя руками и без того спутанную длинную шевелюру. Затем выпалил:

– Ей звонили.

– Кто? – не понял Олег.

– Она не знает! – продолжал Женька.

– Слушай-ка, давай лучше я сама расскажу, – тихо произнесла Таня.

– Пожалуйста, – развел руками Женька.

Таня рассказала о странных звонках и о похоронном марше.

– Вот это да! – вырвалось у Олега.

– Чует мое сердце, это не к добру, – уставился на друзей исподлобья маленький щуплый Темыч.

– Надоел ты мне со своим сердцем, – иронично сощурилась стройная темноволосая Катя. – Оно у тебя уже много лет постоянно что-нибудь чует, и все не то, что надо.

– Отстань, – обиделся Темыч.

Остальные обменялись выразительными взглядами. Их компания сложилась еще в младшей группе детского сада. Именно с этого времени Темыч был тайно влюблен в Катю. Та это прекрасно знала и постоянно над ним подтрунивала. Темыч надежд не терял, однако ему приходилось туго. Во-первых, Катя была натурой ветреной и постоянно увлекалась другими мальчиками. А во-вторых, Темычу мешал рост. Вернее его отсутствие. К началу десятого класса он выглядел словно двенадцатилетний, а лицом больше смахивал на девочку. Правда, согласно семейным преданиям, в роду Теминого папы Никиты Владимировича многие мужчины по-настоящему вырастали в пятнадцать-шестнадцать лет. Например, Никита Владимирович резко вымахал в пятнадцать, после чего стал пользоваться неслыханным успехом у противоположного пола.

Темыч очень рассчитывал, что этим летом тоже резко вырастет. Ведь ему как раз исполнилось пятнадцать. Но, видимо, в его случае процесс отложился еще на год. Словом, надежда на лучшее будущее не покидала его. Однако в настоящем возникало множество проблем. Сейчас, оскорбленно глядя на Катю, Тема многозначительно произнес:

– Между прочим, если бы мое сердце не чуяло опасности, мы бы во время расследований уже сто раз на тот свет отправились.

– Не сто, а двенадцать, – поправил Олег.

Они и впрямь, начиная с восьмого класса, умудрились самостоятельно раскрыть двенадцать самых настоящих преступлений. Последнее расследование пятеро друзей, которых чаще всего теперь называли Компанией с Большой Спасской, провели перед самыми летними каникулами[1]. И вот, не успели они еще съехаться к новому учебному году и проходить

[1] Подробно об этом читайте в книгах А. Иванова и А. Устиновой «Тайна черного призрака», «Загадка американского родственника», «Загадка Клетчатого», «Загадка старинной куклы», «Загадка ночного стука», «Загадка салона «Магия», «Загадка закрытого люка», «Загадка серебряного медальона», «Загадка домашнего привидения», «Загадка случайного

три дня в школу, как вроде бы столкнулись с какой-то новой тайной. Во всяком случае, Олег был точно убежден, что ночные звонки в Таниной квартире раздавались совсем неспроста.

– По-моему, кому-то понадобилось Таньку испугать, – уверенно заявил Женька.

– Оригинальная догадка, – фыркнула Катя.

– Да ладно тебе, – с добродушной улыбкой отмахнулся Женька.

– Если бы напугать, это еще полбеды, – изрек с мрачным видом Темыч.

– Что ты имеешь в виду? – побледнела Таня.

– Пока ничего конкретного, – уклончиво произнес Темыч. – Только похоронные марши по ночам просто так не играют.

– Не каркай, – поняв состояние Тани, шикнула Катя на Темыча.

– Я просто предупреждаю, – тоном старшего отозвался тот. – Хорошего от такого дела не жди.

– И что бы мы делали без твоих предупреждений, – проговорила нараспев Катя.

– Я вообще-то не исключаю, что напугать хотели кого-то другого, – вмешался Олег.

– Будем надеяться, – тихо ответила Таня.

– И не надейся! – бодро выпалил Женька, душа которого всегда жаждала приключений. – Три раза подряд не ошибаются.

– Боюсь, что да, – Таня вновь побледнела. Глаза ее широко раскрылись от ужаса. – Что же мне теперь делать?

– Да перестань ты. Прорвемся, – строя украдкой зверские рожи бестактному Женьке, принялся ободрять девочку Олег. – И посложнее дела распутывали.

Голос его прозвучал столь уверенно, что Таня несколько успокоилась. Хотя ее до сих пор бросало в дрожь при одном лишь воспоминании о жуткой музыке, раздававшейся в трубке.

– Привет! – подбежал к ребятам Лешка Пашков. – Новости есть?

– К сожалению, есть, – ответила Таня.

– Это мы еще посмотрим, к сожалению или к счастью, – уставился на нее Лешка.

Подобно Женьке, он тоже всегда жаждал приключений. Мало того, Пашков их искал. Изобретательную Лешкину голову прямо-таки распирало от заманчивых, но чрезвычайно рискованных замыслов. Перед тем как осуществить их, Пашков производил тщательные и точные расчеты, благодаря которым все должно было пройти гладко и совершенно безопасно для окружающих. Однако, за редкими исключениями, получалось так, что расчеты давали сбой. Поэтому из-за Лешкиных затей страдали его родители и бабушка, ученики и учителя родной две тысячи первой школы, а если действие разворачивалось на улице, то перепадало вовсе ни в чем не повинным обитателям Сухаревской площади и прилегающих к ней улиц и переулков.

Особенно опасным становился Лешка, когда объединял свои усилия с младшим братом-погодком Сашком. Один из последних подвигов два неутомимых брата совершили всего месяц назад в славном городе Вене. После этого их известность вышла за пределы Москвы и стала поистине международной.

Этим летом папу Лешки и Сашка, известного во всем мире нейрохирурга, пригласил для консультаций в своей клинике австрийский коллега господин Шульц. Предложение было заманчивым. Во-первых, Пашкову-старшему предоставлялась возможность целый месяц работать в одной из лучших европейских больниц. Во-вторых, это сулило солидный заработок. И, наконец, господин Шульц пригласил всю семью Пашковых пожить у себя в доме, который располагался в уютном пригороде Вены. Так что, интересную работу можно было сочетать с отдыхом.

попутчика», «Загадка бронзового льва», «Загадка ловких мошенников», вышедших в серии «Черный котенок». (*Прим. ред.*)

Последнему обстоятельству особенно радовалась мама Лешки и Сашка.

– Детям будет очень полезно посмотреть, как живут в старой доброй Европе, – убеждала она мужа.

Пашков-старший довольно долго колебался. Он не был уверен, что «старая добрая Европа» подходит его сыновьям. Поначалу родители даже хотели уехать вдвоем, отправив Сашка и Лешку вместе с бабушкой на дачу. Однако бабушка воспротивилась самым решительным образом.

– Я и так больше всех вас терплю от этих двух оглоедов, – сказала она.

– В общем-то, мне тоже от них достается, – не согласился Пашков-старший, которому весьма часто приходилось оплачивать самые разнообразные уроны, нанесенные обществу смелыми экспериментами сыновей.

Но бабушка заявила:

– Мне нужен отдых, а там, как хотите.

Тут вмешался и мистер Шульц. Он объявил, что его сын Вальтер, ровесник Лешки, в последнее время очень увлекся русской культурой, уже весьма сносно выучил русский язык и теперь просто мечтает пообщаться с мальчиками из новой России.

– Раз мечтает, он это получит, – весьма многозначительно ответил Пашков-старший мистеру Шульцу, и вопрос был решен.

– В общем-то, моим детям, вероятно, и впрямь будет полезно пообщаться с нормальным приличным мальчиком, – успокаивал себя отец. Что касается Лешки и Сашка, то им было совершенно все равно, в какой части земного шара пройдут их каникулы. Лишь бы интересно и с пользой.

В этом плане большой и уютный дом мистера Шульца их несколько разочаровал. Там было все чересчур аккуратно и чисто. Вальтер вроде бы тоже никуда не годился. По-русски он изъяснялся с неимоверным акцентом. Конечно, понять его было можно. Но так как, по мнению Лешки и Сашка, этот парень ничего интересного не предлагал, то и прислушиваться к его длинным речам не имело никакого смысла.

Вальтер предпочитал спокойные домашние игры типа компьютера или шахмат. Кроме того, он был вегетарианцем и пытался убедить своих русских друзей, что «мьясо есть врьедно, а убивайт животных пльохо». Насчет последнего братья Пашковы с ним были вполне согласны, но ради этого отказываться от мясных блюд не собирались. Еще братьев крайне шокировало то, что Вальтер три раза в неделю пылесосит собственную комнату, причем не только пол, но стены и потолок. После чего наводит там такой тошнотворный порядок, что, по меткому выражению Сашка, «в такой обстановке хорошо разве только покойникам».

В отведенной им комнате братья создали привычный уют. Поначалу Вальтер, заходя к ним, пытался подбирать что-нибудь с пола. Потом привык. А еще чуть позже начал, к немалой радости Лешки и Сашка, бурно перевоспитываться.

Началось с того, что он несколько раз подряд пересек под руководством двух братьев улицы в неположенных местах. Затем они вместе посетили местный «блошиный рынок», где за сущую ерунду приобрели множество полезных вещей. Вернувшись домой, они завалили ими комнату братьев, а то, что туда не влезло, разместили временно в комнате Вальтера.

Еще несколько дней спустя Вальтер забыл пропылесосить в очередной раз комнату. Когда его мать, фрау Шульц, ему об этом напомнила, сын принялся ей объяснять, что, «когда пыль слишком часто гоняешь с места на место, она попадает в легкие». Именно в этот момент у фрау Шульц закралось пока что робкое подозрение, что «эти два русских мальчика, кажется, не всегда хорошо влияют на сына».

Впрочем, Вальтер придерживался совершенно иного мнения. Дух вольности и свободы, исходивший от братьев Пашковых, захватывал его все сильнее и сильнее. Они стали

вместе без спросу исчезать из дома. И, наконец, настал день, когда Вальтер с удовольствием съел за компанию с двумя братьями огромную свиную отбивную, громогласно заявив, что с «вегетарианством покончено».

Но по сравнению с тем, что случилось позже, это все было сущей ерундой. В тот день Шульцы-старшие повезли Пашковых-старших погулять по Вене. Ребята к ним не присоединились. У них были куда более интересные планы. Вальтер хотел показать двум братьям местный магазин веселых розыгрышей, который, по его словам, отличался богатым ассортиментом товаров и невысокими ценами. Лешка воодушевился. Он был постоянным посетителем магазина «Веселые гадости» на Сухаревской площади в Москве. Но там все стоило достаточно дорого. Теперь предоставлялся случай запастись многими полезными вещами, которые, несомненно, пригодятся дома. Пренебрегать подобной удачей было, по меньшей мере, глупо.

Проводив старшее поколение, ребята уже собирались отправиться в путь, когда Вальтер, зайдя в ванную комнату на втором этаже, заметил большую лужу под раковиной. Открыв дверцу, за которой прятались трубы, он обнаружил, что оттуда струйкой вырывается вода.

Мальчик бросился к телефону.

– Мы идем или нет? – перехватили его по пути два брата.

Путая от волнения немецкие и русские слова, Вальтер растолковал новым друзьям, что идти пока никуда нельзя, ибо «в ванной начинается утоп», поэтому надо вызвать слесаря.

– Подожди со своим слесарем, давай лучше мы посмотрим, – уже побежал в ванную Лешка.

Осмотрев трубу, Лешка пришел к выводу, что с такой ерундой он уж точно справится. Вода выбивалась из-под соединительной муфты. Стоит ее немного затянуть, и порядок.

– Сейчас сделаем, – уверенно произнес он вслух.

– Наверное, лучше всье-такьи обратиться к специалисту, – засомневался Вальтер.

– Мы этого специалиста полдня будем ждать, и магазин закроется, – возразил Лешка.

– И делов тут раз плюнуть, – подхватил верный братан Сашок.

– И вообще в нашем роду Пашковых мужчины все сами умеют, – всегда очень гордился Лешка своим дворянским происхождением.

– О-о! – воскликнул Вальтер. – Пашков-дом! Румьянцевская библиотьека! Там книг зашибись!

Тут надо отметить, что запас русских слов в его лексиконе с приездом двух братьев сильно расширился за счет хлестких словечек, которые употребляли в бурном содружестве девятого «В» две тысячи первой школы.

– При чем тут книги?! – не поддержал интеллектуальной беседы Лешка. – Ты лучше ключи гони.

Вальтера его просьба несколько удивила. Однако он тут же полез в карман и протянул Лешке ключи от дома.

– Во, отмороженный! – покрутил пальцем возле виска Лешка.

– Мороженое? – еще сильнее удивился Вальтер. – У нас в морозильнике есть. Только зачем?

– Совсем спятил? – воскликнул Лешка. – Говорю, гаечные ключи гони! Трубу подворачивать будем!

И он показал жестом, что собирается делать с водопроводной трубой.

– О да! – заулыбался Вальтер. – Теперь я усек. Но всье-такьи надо специалиста.

Братья досадливо поморщились. Оба не могли дождаться момента, когда попадут наконец в заветный магазин.

– Специалиста вызвать успеешь, – решил заехать с другого конца Лешка. – Кроме того, все эти водопроводчики специально халтурят.

– Ну да! – поддержал брата Сашок. – Слесарь тебе сегодня сделает, а через месяц опять прорвет. Ему важно, чтобы ты его вызывал почаще и деньги выкладывал.

– Вот именно! – заметив, что Вальтер колеблется, усилил натиск Лешка. – А если мы с Сашком сделаем, то все четко будет.

– Вы помрете, а внуки твои будут пользоваться, – заверил Сашок.

Вальтер задумался. Во-первых, его с самого раннего детства приучали беречь деньги. Слесарю придется платить. Да и не факт, что он скоро появится. А братья Пашковы, насколько он, Вальтер, понял, намерены устранить аварию очень быстро и совершенно бесплатно. Кроме того, господин Шульц очень поощрял в сыне трудолюбие. Если Вальтеру удавалось сделать в доме что-нибудь, что требовало вмешательства специалиста, отец платил ему ровно ту сумму, которую пришлось бы истратить на наемную рабочую силу. Быстро прикинув, сколько будет стоить визит слесаря, Вальтер решил, что ему эти деньги совсем не повредят. Поэтому крикнув: «Гут! Ключи айн момент!», – он бросился вниз и извлек из кладовки отца набор инструментов.

Выбрав подходящий ключ, Лешка распорядился:

– Сашок, стой рядом и придержи трубу.

– Это мы можем, – схватился за трубу младший брат.

– Не боись, бабуся, починим, – вставил Вальтер любимое Лешкино выражение.

– Правильно, – поддержал его тот. – А ты, слесаря, слесаря.

С этими словами Лешка, подогнав ключ под муфту, попытался ее затянуть. Муфта не поддалась.

– Во, слабак. Давай, я, – засуетился Сашок.

Он хотел вырвать у Лешки ключ. Тот, отпихнув брата, надавил на муфту сильнее. Дальше события развивались стремительно.

Муфта отлетела. Труба распалась на две половинки. Вода, хлынув щедрым потоком, быстренько превратила ванную комнату Шульцев в подобие бассейна и стремительно бросилась завоевывать новые пространства и дали.

– Где у вас кран? – хором взвыли братья.

Совершенно ошалевший Вальтер шагнул в глубоководную ванную комнату и любезно указал на кран над раковиной.

– Я говорю, кран, который… – и он покрутил перед носом Вальтера рукой. – Понимаешь? Крутить! Крутить!

– Понимайт!

Вальтер поглядел на ребят каким-то осоловелым взором и удалился. Мгновение спустя он прибыл обратно с огромным пылесосом для мокрой уборки. Включив его в сеть, Вальтер начал с упорством, достойным лучшего применения, всасывать воду. Лешка подскочил к розетке и выдернул шнур.

– Все-таки, Вальтер, ты точно отморозок, – не удержался от критики он. – Вы чего, физику в школе не учите? Разве можно среди такой сырости электроприборы включать. Ведь током убьет.

Но Вальтер уже пребывал в полном шоке. Он потряс головой и вновь попытался включить пылесос.

– Сашок, ты держи его, – обратился к братану Лешка. – Иначе он точно этим пылесосом себя угрохает. А я побежал вентиль искать.

– Может, сперва ведерками поработаем? – выдвинул контрпредложение Сашок. – Вон сколько всего налилось.

– С таким же успехом их реку Дунай ведерком можно вычерпать, – поглядел на все прибывающую из трубы воду Лешка. – Ладно, я побежал.

Он достиг нижнего этажа. Там тоже нельзя сказать, чтобы было сухо. А главное, сверху капало. Лешка тогда еще про себя отметил: «Похоже на проливной дождь».

Вентиль в конце концов обнаружился в подвале. Лешка перекрыл воду. Правда, случилось это несколько поздновато. «Надо было, конечно, сперва вентиль найти, а потом уже муфту подворачивать», – охватило запоздалое раскаяние мальчика.

Когда Пашковы-старшие и Шульцы-старшие вернулись домой, по всему первому этажу плавали самые разнообразные предметы. Лешка с Сашком все еще не теряли надежды справиться со строптивой трубой. А Вальтер, приговаривая: «Ничьего, перезимуем, мой папаша сибирьяк!» – вычерпывал ведром воду.

Денег ему господин Шульц за ремонт трубы не заплатил. Зато оказался настолько великодушен, что ни в чем не упрекнул братьев Пашковых. Правда, когда Пашков-старший перед отъездом пригласил Вальтера приехать на следующее лето к ним в гости, Шульцы-старшие в один голос воскликнули, что их сыну, пожалуй, еще рановато предпринимать столь далекое путешествие. На том дело и кончилось.

Два дня назад, первого сентября, Лешка рассказал эту историю Компании с Большой Спасской, добавив, что вообще-то у них с Сашком все было четко рассчитано. Только вот трубы в Австрии какие-то не такие.

Лешку редко обескураживали неудачи. Он любил повторять, что не ошибается только тот, кто ничего не делает. Поэтому, потерпев очередной крах, тут же начинал вынашивать какой-нибудь новый замысел.

Правда, у пятерых юных детективов отношения с Лешкой сложились достаточно гладкие. Так вышло, что он принял участие в нескольких последних расследованиях. И действия его были вполне разумны. Во всяком случае, без Лешки Компания с Большой Спасской нипочем не распутала бы дела, которым занималась перед летними каникулами. Словом, Пашков давно уже стал полноправным членом их команды. И даже время от времени пытался под разными предлогами внедрить в нее братана Сашка, но ребята решительно противились. Одного Лешку они могли при случае контролировать. Вдвоем братья Пашковы становились неуправляемыми, и тогда жди любых неприятностей. Вплоть до катастроф. Поэтому ребята на все Лешкины ходатайства по поводу брата категорически отвечали: «Никакого Сашка!»

Сейчас, стоя возле школы, Лешка с большим интересом смотрел на Таню. Он шестым чувством определил, что у Компании с Большой Спасской вновь назревает расследование. Это было как нельзя более кстати. Несмотря на происшествие с водопроводом и еще несколько более или менее острых эпизодов, венские каникулы показались Пашкову чересчур пресными. Теперь душа его жаждала настоящей встряски. Вот почему, едва услыхав о таинственных телефонных звонках, Лешка весь подобрался, словно хороший охотничий пес перед решительным броском на дичь, и быстро проговорил:

– Ну-ка, Танька, еще раз и во всех подробностях!

Девочка уже раскрыла рот, но тут к ним приблизилась Моя Длина.

– Привет, мальчики-девочки! – игриво помахала она рукой. – О чем грустим?

Моей Длиной ребята называли пухлую блондинку Машу Школьникову. Она уже четыре года подряд была безумно влюблена в их классного руководителя Андрея Станиславовича. И старалась в те дни, когда он вел историю, одеваться особенно экстравагантно. Дошло до того, что однажды она пришла в ярко-красной юбке из какой-то очень блестящей синтетики. Впрочем, юбкой это можно было назвать лишь символически. Класс изумленно охнул. Нижняя часть Маши Школьниковой особым изяществом не отличалась.

– Ну ты, Машка, даешь! – вырвалось тогда у непосредственного Пашкова. – Все прямо наружу. Отпад!

Он давно неровно дышал к Школьниковой. И, наверное, единственный в классе был убежден, что она выглядит как настоящая фотомодель. Но Машка его всерьез не принимала.

Для нее в мире существовал лишь один мужчина – Андрей Станиславович. Поэтому, кинув на Лешку высокомерный взгляд, она ответила:

– Много ты понимаешь, ребенок! Это просто теперь моя длина и мой стиль.

С той поры прозвище Моя Длина прочно прилипло к Машке. Правда, звали ее так за глаза. Школьникова обладала крепким телосложением и могла с ходу врезать.

– Так о чем грустим? – повторила она.

– Таньке ночью звонили! – выпалил Женька.

– Ясненько-ясненько, – Моя Длина многозначительно подмигнула Тане. – Но ты, Олег, не расстраивайся, бывает.

– Это совсем не то, что ты думаешь, – вспыхнула Таня.

– То или не то, будущее покажет, – вновь подмигнула ей Школьникова.

Олег начал злиться. Эти намеки ему совсем не понравились. Моя Длина расценила его поведение по-своему.

– Зря ревнуешь, – сказала она. – С кем не бывает.

– Да тут дело совершенно в другом, – принялась спешно разуверять ее Таня. – Мне ночью звонили и похоронный марш играли.

– Типичный прикол, – и тут не смутилась Школьникова. – Ну-ка, девочки, пошли пошепчемся.

Она уже хотела отвести Катю и Таню в сторонку, чтобы те рассказали о «новом Танькином ухажере», в наличии которого Моя Длина совершенно не сомневалась, когда на горизонте возник Андрей Станиславович под руку с математичкой Светланой. Лицо у Школьниковой горестно вытянулось. И, забыв о Тане, она в сердцах прошептала:

– Только этого мне еще недостает.

Андрей был целиком и полностью поглощен своей спутницей. Даже не обратив внимания на своих питомцев, которые стояли немного поодаль от входа, он галантно распахнул перед Светланой дверь. Миг – и они скрылись в здании родной две тысячи первой школы.

Моя Длина немедленно закурила и, сделав несколько нервных затяжек, все-таки поволокла девочек в сторону.

– Машка! Я тоже с тобой покурю, – извлек из кармана пачку «Парламента» Пашков.

– Кури один, ребенок, – процедила сквозь зубы Моя Длина. – Не до тебя мне сейчас.

Лицо у Пашкова вытянулось так же, как у Школьниковой минуту назад. Лешка вздохнул и вернулся к мальчикам.

– Видали? – тем временем говорила Моя Длина девочкам. – Опять у Андрея началось с этой… Как он не врубится до сих пор, что Светлана ему не пара.

– Ну почему же? – тихим голосом возразила худенькая светловолосая Таня. – Они ведь давно любят друг друга.

– Любят! – свирепо произнесла Школьникова. – Эта Светка и не знает, что такое настоящая любовь. И вообще, Андрею нужна не такая жена, а с положением в обществе.

Катя и Таня украдкой переглянулись. Роман у Андрея и Светланы длился давно. Когда бурное содружество «В» заканчивало восьмой класс, Светлана Сергеевна даже переехала на квартиру Андрея Станиславовича возле Красных Ворот. Вот-вот должна была состояться свадьба. Однако потом у них что-то произошло, и весь прошлый год они, даже встречаясь в школе, едва друг с другом здоровались. Андрей явно страдал. Ученики ему очень сочувствовали.

Все, кроме Моей Длины. Она воспылала надеждой и, к ужасу любимого учителя, усилила натиск. Ни о какой взаимности, разумеется, не могло быть и речи. Однако Школьникова не сдавалась. Не собиралась она отступать и сейчас.

– Все равно поругаются, – закурив новую сигарету, изрекла она.

– Не хотелось бы, – вырвалось у Тани.

– Много ты понимаешь, – фыркнула Школьникова. – Говорю же вам: такому шикарному мужику, как Андрей, нужна жена с положением.

Моя Длина явно намекала на себя. Мать ее, Зинаида Николаевна, держала фирменную французскую аптеку, а кроме того, была официальным дилером нескольких крупных парфюмерных и цветочных фирм. На этом основании Машка причисляла себя к «современной российской буржуазии». И не сомневалась, что обладает всем необходимым для счастья любимого человека.

– С положением? – иронично сощурилась Катя.

Она уже хотела по своему обыкновению отпустить какую-нибудь колкость, но тут раздался звонок.

– Быстро в класс! – скомандовала Моя Длина. – Сейчас Андрюшин урок.

И все устремились в школу. Взбежав на четвертый этаж, ребята подошли к двери родного класса. На ней красовалась новая табличка:

«10 «Б».

– Никак не могу привыкнуть, что наш класс теперь не «В», а «Б», – поморщилась Моя Длина.

– Что делать, – с философским видом развел руками Темыч.

– Сухари сушить, – огрызнулась Школьникова.

– Чем быстрее привыкнем, тем лучше, – продолжал Тема.

Моя Длина не удостоила его ответом. Остальные тоже молчали. Вся компания испытывала схожие чувства. Бурное содружество «В», уже много лет назад завоевавшее репутацию самого беспокойного и, одновременно, самого дружного класса в две тысячи первой школе, неожиданно поредело. Произошло это после экзаменов за девятый класс. Выяснилось, что иные из ребят уходят в лицеи и колледжи, кто-то переезжает в другие районы, а кто-то по иным причинам покидает родную школу. Словом, к десятому классу бурного содружества «В» убыло наполовину, и его слили с остатками класса «Б». Хорошо еще, что Андрей Станиславович по-прежнему оставался классным руководителем.

Однако уже с первого сентября Компании с Большой Спасской стало ясно: былой атмосферы в классе нет. Если бы речь шла только об остатках «бэшников», то еще полбеды. Содружество «В» знало их как облупленных. Но в класс пришло несколько новеньких.

В их группе выделялся высокий блондин. Когда остатки девятого «В», встретившись в школьном дворе, стали обмениваться летними впечатлениями, пятеро новеньких продолжали держаться особняком. Две девочки и трое ребят. Остатки содружества «В», с интересом разглядывая пополнение, стали его обсуждать.

– Девчонки вроде нормальные. Особенно вон та, – и долговязый Женька взглядом указал на рыжую девочку.

– Что мне в Женечке нравится, так это постоянство вкусов, – фыркнула Катя.

Остальные засмеялись. Они вспомнили о неудавшемся романе Женьки с рыжей Леркой-баскетболисткой из юношеской сборной.

Пашков не нашел в двух новых девчонках ничего интересного. Ему вообще никто не нравился, кроме Моей Длины.

Тем временем Катя и Таня с любопытством разглядывали мужскую часть пополнения.

– Два так себе, а один ничего, – шепнула Катя на ухо Тане, указывая на высокого блондина. Он, прислонившись к стволу дерева и запихнув руки в карманы джинсов, с независимым и довольно высокомерным видом оглядывал окружающих.

Поймав взгляды двух девочек, он вдруг улыбнулся и, посмотрев на Таню, игриво ей подмигнул. Таня вспыхнула и отвернулась.

– Не понимаю, что ты в нем нашла. По-моему, он довольно противный.

– А мне нравится, – стояла на своем Катя.

– Что тебе нравится? – неожиданно встрял в их беседу Тема.

– Все-то ему расскажи, – со страдальческим видом закатила глаза Катя.

Впрочем, Темыч уже и так обо всем догадался. И смерил новенького таким уничтожающим взглядом, что кто-нибудь другой на месте высокого блондина провалился бы сквозь землю.

Однако блондин остался стоять на месте. Мало того, продолжал с интересом взирать на Таню.

Уже в классе, во время переклички, выяснилось, что новенького зовут Богдановым Вадимом. А рыжая девица, столь понравившаяся Женьке, именовалась Евдокией Смирновой. Катя на ближайшей же перемене ласково окрестила ее Дусей. При этом выразительно покосилась на Женьку. Но тот сделал вид, что ему все равно.

На следующем уроке Таня, повернувшись к Олегу, вновь случайно поймала на себе пристальный взгляд Вадика Богданова. Она расценила это как случайность. Однако, чуть погодя, опять почувствовала, что новенький на нее смотрит.

Девочка резко обернулась. Вадика это совершенно не смутило. Он снова ей подмигнул.

«Господи! – пронеслось в голове у Тани. – Только бы Олег не заметил! Иначе скандала не миновать». Олегу и впрямь не нравилось, когда Таня привлекала внимание кого-нибудь из мальчиков. В таких случаях он, по его собственному выражению, «ставил нахалов на место». А Таня ужасно не любила подобных конфликтов.

Поэтому, пользуясь тем, что день выдался сухим и солнечным, она старалась на всех переменах выводить друзей на улицу. В этом Таню поддерживали Пашков и Моя Длина, которым вечно хотелось курить.

Наконец, начался последний урок. Вернее, классный час, который ежегодно проводил со своими питомцами первого сентября Андрей Станиславович.

В свои тридцать шесть лет классный руководитель содружества «В», а теперь десятого «Б» Андрей Станиславович был моложав, строен, носил пышную шевелюру, а в одежде, за исключением торжественных случаев, придерживался авангардного молодежного стиля. Кроме того, он ездил на подержанном мотоцикле «Харлей Дэвидсон». Постоянно покупал модные диски, которые с удовольствием давал слушать и переписывать всему своему классу. И обладал еще множеством других замечательных качеств, которые позволили Лешке Пашкову еще в пятом классе сказать, что Андрей у них – «крутой мужик».

Учителем Андрей Станиславович стал не совсем обычным путем. После десятого класса он мечтал заняться классической филологией, но на вступительных экзаменах в университет провалился. Зато попал в армию. И не просто, а прямиком в Афганистан. Там как раз тогда только что началась война. Андрей Станиславович умудрился пройти ее без единого ранения. Впечатлений, однако, у него оказалось достаточно.

Вернувшись в Москву, бывший десантник Андрей Пирогов твердо решил: если есть ему смысл что-то делать дальше, значит, он должен учить детей. И не чему-нибудь, а истории. Поэтому, окончив педагогический институт, он пришел работать в школу номер две тысячи один, где учился сам.

Выбор места работы преследовал не только явную, но и тайную цель. В этой же школе преподавала математику бывшая одноклассница Андрея Станиславовича – Светлана. К концу десятого класса у них начался бурный роман. Когда же Андрей попал в армию, Светлана неожиданно вышла замуж. Теперь роман разгорелся с новой силой. И за его развитием пристально наблюдал весь класс Андрея Станиславовича.

Первого сентября классный руководитель десятого «Б» явился в каком-то сногсшибательном пиджаке спортивного стиля. Он был учителю настолько к лицу, что среди девочек пронесся восторженный гул. Школьникова, всегда занимавшая на уроках Андрея Станисла-

вовича первую парту перед его столом, приняла соблазнительную, по ее мнению, позу, затем исторгла несколько томных вздохов. В это время у Дуси Смирновой вырвалось:

– И впрямь классный, что надо.

Десятый «Б» грохнул. Школьникова обернулась и очень внимательно посмотрела на новенькую. В этом взгляде сосредоточилось столько сильных чувств, что Дуся Смирнова, покраснев, опустила голову.

Школьникова осталась довольна произведенным эффектом. И, посмотрев на любимого учителя, сказала:

– Вот так.

Андрей Станиславович усмехнулся в пшеничные усы, но ничего не сказал. Затем он произнес краткую речь о том, что представляет собою десятый класс в новых экономических условиях. По его словам, последние два года школы с учениками никто возиться не будет. Тех, кому неохота нормально учиться, просто в течение года отчислят. Кроме того, нужно уже серьезно думать о поступлении в высшие учебные заведения.

При этом классный руководитель десятого «Б» то и дело поглядывал на Компанию с Большой Спасской. У него была тайная надежда, что хоть в этом году они, наконец, оставят свои расследования. «Иначе, – с тоской подумал Андрей Станиславович, – мне снова жить, как на вулкане».

– Так что, – сказал в заключение учитель, – советую как следует браться за дело.

– Уж мы возьмемся, Андрей Станиславович! – с жаром проговорила Моя Длина.

– Вот и хорошо, – стараясь не встречаться с ней взглядом, ответил учитель.

– Было бы о чем говорить, – послышалась пренебрежительная реплика с задней парты.

Все обернулись. Вадик Богданов со снисходительной усмешкой глядел на Андрея Станиславовича.

– Что ты имеешь в виду? – спросил классный руководитель десятого «Б».

– Что имею, то и сказал, – презрительно бросил Вадик.

– А чуть подробней нельзя? – обратился к нему Андрей Станиславович.

– Можно, если хотите, – продолжал новенький. – Вот вы сказали «браться за дело», «большая ответственность»… Можно подумать, у вас тут какая-то крутая школа. Толку-то… Все равно ни в один нормальный институт без репетиторов не поступишь.

– Нормальная у нас школа, – разозлилась Моя Длина.

– А если кому-то не нравится, то не фига было к нам приходить, – расправил широкие плечи признанный силач класса Боря Савушкин.

– Тебя не спросил, – скользнув по нему высокомерным взглядом, отозвался Вадик Богданов.

– Ты-то, наверное, не спросил, а вот я у тебя после уроков, наверное, спрошу, – пообещал Боря.

Класс на мгновение замер. Всей две тысячи первой школе было известно: бурное содружество «В» никогда не дает себя в обиду. То есть между собой у них иногда возникали локальные конфликты. Однако когда затрагивалась честь класса, содружество «В» превращалось в несокрушимый монолит. Атмосфера явно становилась напряженной. Однако Вадика это, похоже, совершенно не трогало. Зато Андрей Станиславович про себя отметил, что, кажется, новый учебный год будет и впрямь куда сложнее предыдущих.

Компания с Большой Спасской тоже кое-что заметила. Две новенькие девочки, которые в начале классного часа с интересом разглядывали Андрея Станиславовича, теперь переключились на Вадика. У того был очень довольный вид. Чувствовалось, что он привык находиться в центре внимания.

Боре Савушкину новенький все сильнее не нравился. Он уже было раскрыл рот, чтобы назначить Вадику встречу после уроков возле школы, но Андрей Станиславович вмешался:

– А ну, прекратите! В конце концов, каждый имеет право на свое мнение.

– Вот это правильно! – хохотнул Вадик. – Так сказать, демократия в действии.

Теперь на него смотрели не только новенькие, но даже и несколько ребят из бывшего «Б».

– Только насчет репетиторов ты не совсем прав, – усмехнулся Андрей Станиславович. – У нас из прошлогоднего выпуска много ребят просто так поступило.

– Да, да. Слыхали, – недоверчиво покачал головой Вадик.

– Некоторым и репетиторы не помогают, – продолжал Андрей Станиславович.

На это у Вадика не нашлось что ответить. Дальше классный час шел своим чередом, однако у Компании с Большой Спасской после первого дня остался какой-то неприятный осадок. Каждый из пятерых нет-нет, да и ловил себя на мысли, что лучше бы этот Вадик попал в другой класс.

Второго сентября опасения их подтвердились. На большой перемене весь класс высыпал во двор. Вадик Богданов с новенькими и несколькими ребятами из бывшего «Б» расположился немного поодаль от Компании с Большой Спасской. Какое-то время спустя Таня снова почувствовала на себе его пристальный взгляд. Она демонстративно повернулась спиной к Вадику. «Только бы Олег не заметил», – в отчаянии подумала она. Но Олег, к счастью, пока был занят общей беседой.

– Ты согласна со мной? – донесся до Тани голос Моей Длины.

– Ну да, – на всякий случай согласилась Таня, которая не расслышала, о чем речь.

Олег с изумлением на нее посмотрел. А Катя, иронично сощурившись, произнесла нараспев:

– Ну ты, подруга, даешь!

Таня покраснела. Она уже намеревалась спросить, о чем шла речь, когда со стороны компании Богданова послышался оглушительный хохот.

– Веселятся детишки, – без всякой симпатии проговорила Моя Длина.

– Пускай себе, – отмахнулся Темыч.

Смех несколько поутих. И Вадик громко продолжил:

– Она ему, значит, по морде, а он, как побитая собака…

– Ты это про кого? – заинтересовался долговязый Женька.

– Про нашего классного, – с явной охотой объяснил Вадик.

В его группе снова раздался хохот.

– Андрея не трожь! – грозно выступила Моя Длина.

– Нужно мне его трогать, – сплюнув, ответил Вадик.

– Мое дело предупредить, – продолжала Моя Длина.

– Ах как я испугался, – губы Вадика скривились в ухмылке. – Уже поджилки трясутся.

Кто-то в его группе засмеялся. Моя Длина, сжав кулаки, двинулась по направлению к ним. Пашков – за ней. Но тут раздался звонок.

Богданов, ухмыльнувшись, развел руками и двинулся к дверям школы.

– Редкостная скотина, – прошипела Моя Длина. – Ну, ничего. Он еще у меня попляшет.

– Ты, Машка, предоставь это мне, – тут же вмешался Пашков. – Мы с ним поговорим как мужик с мужиком.

– Утихни, ребенок, – не поддержала его благородного порыва Школьникова. – Раз он Андрюшу задел, я с этим гадом сама разберусь.

Компания с Большой Спасской обменялась выразительными взглядами. Они знали, что Школьникова никому и никогда не позволит безнаказанно насмехаться над Андреем Станиславовичем.

Правда, в тот день больше ничего не произошло. Пока что Моя Длина ограничивалась лишь исполненными ярости взглядами в адрес Вадика. Тот изображал, что ему очень

страшно, однако тоже по каким-то причинам удерживался от прямых выпадов. Но, несмотря на это, Компания с Большой Спасской явственно ощущала, как накаляется атмосфера в классе. Прежде у них такого никогда не случалось.

Вот почему теперь, третьего сентября, семеро друзей с таким неудовольствием поглядели на табличку, где значилось, что их класс отныне именуется десятым «Б».

– Ничто не вечно под луной, – тяжело вздохнул Темыч.

– Ладно тебе, философ, – хлопнул его по плечу Олег. – Пошли на историю. Вон Андрей идет.

Ребята проследили за взглядом мальчика. Со стороны учительской к ним приближался бодрой походкой Андрей Станиславович.

Глава III
Коварная стена

Во время учебного дня семеро друзей так и не возвращались к странным звонкам в Таниной квартире. Андрей Станиславович рассказывал на уроке о франко-прусской войне, и все в классе писали конспекты. Другие учителя тоже принялись объяснять новые темы. А на переменах Компанию с Большой Спасской то и дело призывал на помощь кто-нибудь из преподавателей. Биологичка заставила их таскать в кабинет новые муляжи частей человеческого тела и органов. Грузчики, бросив их в вестибюле, уехали. Кате и Тане досталось по огромной ноге с устрашающе натуралистическими венами и сухожилиями. Моя Длина волокла руки. Женька сгреб в охапку какие-то органы пищеварения. Олегу досталось еще что-то в этом же роде. Пашков нес голову. А Темыч прижимал к себе огромный муляж человеческого мозга. По этому поводу Катя не преминула заметить:

– Темочка у нас стал таким умным, что мозги в голове уже не умещаются.

– Мало того, что о деле поговорить некогда, так она еще шуточки дурацкие отпускает, – проворчал в ответ мальчик и выронил левое полушарие мозга на пол.

– Неаккуратно ты с разумом обращаешься, – усмехнулась Таня.

Темыч молча подобрал муляж мозга и двинулся по направлению к кабинету биологии.

– Дождемся большой перемены, тогда и поговорим, – обратился к ребятам Олег.

Однако и на большой перемене у них ничего не вышло. Едва она началась, в класс явился заместитель директора по хозяйственной части Арсений Владимирович.

– Ну-ка, пойдемте со мной. Дело есть, – обратился он с заговорщицким видом к семерым друзьям.

– Что такое? – подошли к нему ребята.

– У Михаила Петровича неприятность, – почему-то шепотом сообщил Арсений Владимирович.

– Что, заболел? – немедленно осведомился Темыч.

– Хуже, – покачал головой доблестный заместитель директора по хозяйственной части.

– Неужели умер? – искренне пожалел директора школы Темыч.

– Типун тебе на язык, – спешно принялся разуверять его Арсений Владимирович. – Слава Богу, Петрович наш жив-здоров, но неприятность имеется. Дверь у него в кабинете отвалилась.

Ребята облегченно вздохнули. Директор у них был хороший.

– Она отвалилась, – тем временем продолжал Арсений Владимирович, – а Петровича еще нет. Вот я и думаю: может, мы до его прихода починим? Не хочется его лишний раз травмировать.

Ребята понимающе кивнули. Плачевное техническое состояние школы номер две тысячи один было для директора и его доблестного заместителя самым больным вопросом. Денег на капитальный ремонт все никак не выделяли. Поэтому руководство школы какими-то титаническими усилиями ремонтировало ее по частям. По этому поводу Михаил Петрович часто говорил, что он каждый день собирается на работу, как на войну. То ли потолок рухнет, то ли отопление прорвет, то ли еще что-нибудь.

К началу учебного года Михаилу Петровичу и Арсению Владимировичу удалось наконец справиться с расшатавшимися перекрытиями и отремонтировать одну из двух лестниц, которая, по словам доблестного заместителя по хозяйственной части, «целых два года находилась в простое». Точнее, этой лестницей нельзя было пользоваться, из-за чего перед началом уроков и к концу учебного дня на единственной целой лестнице возникала ужасная

давка. Вот почему Михаил Петрович и Арсений Владимирович первого сентября открыли «отремонтированный объект» с красной ленточкой.

И вот теперь новая неудача. Естественно, что Компания с Большой Спасской не могла отказать в помощи Арсению Владимировичу. Тот выбрал в помощники именно этих ребят далеко не случайно. Он уже несколько лет вел в их классе занятия по ОБЖ. И считал Олега и его друзей очень находчивыми в критических ситуациях.

Они спустились вниз.

– Размах разрушения ясен? – указав на директорский кабинет, по-военному четко осведомился Арсений Владимирович.

В прошлом он был кадровым офицером, и командирская закваска, а также бравая выправка сохранились у него по сию пору.

– Вроде понятно, – поглядели ребята на поверженную дверь.

– Я, значит, хотел войти, а она, значит, выпала, – коснулся истории вопроса Арсений Владимирович.

– Раз выпала, сейчас сделаем, – загорелись глаза у Пашкова.

– Может, лучше строителя какого-нибудь позвать? – не был в отличие от Лешки уверен в своих силах Темыч.

– У школы со средствами туго, – напомнил Арсений Владимирович.

– Да тут и делать-то нечего! – бодро воскликнул Женька. – Приставим, прибьем, и порядок.

– Приставить можно, – почесал коротко стриженный затылок доблестный заместитель по хозяйственной части. – А вот с «прибить» возникают определенные трудности.

Тут ребята заметили, что дверь выпала вместе с петлями. А на том месте, где они были привинчены шурупами, зияли огромные рваные дыры.

– Гвоздики подлиннее вгоним, глядишь, куда-нибудь и забьются, – и на сей раз не смутился Женька.

– Не забьются, – покачал головой Арсений Владимирович. – Там, видать, были пустоты в стене. Я измерил стамеской, так она у меня в эту дыру целиком с рукояткой ушла. Ох, – вздохнул он. – Петрович расстроится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.